

УДК 316.75:32(460+599)

ББК 66..05(4ФИН)(4ИСП)

DOI 10.22394/1682-2358-2022-1-45-52

A.I. Chekmazov, Master's Student, European Studies, Institute of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

A.V. Uzjumova, Master's Student, International Relations (in English), School of International Relations, Saint Petersburg State University (SPBU)

THE ROLE OF STATE AND NON-STATE ACTORS IN THE MEMORY POLICY: COMPARATIVE ANALYSIS OF FINLAND AND SPAIN

Approaches of state and non-state actors to the issue of preserving historical memory are considered. Cultural and legal aspects of the memory policy are analyzed.

Key words and word-combinations: memory policy, commemoration, Finland, Spain.

А.И. Чекмазов, магистрант программы «Зарубежное регионоведение: Европейский регион» Института иностранных языков Российского университета дружбы народов (email: checkmazov.ai@gmail.com)

А.В. Узюмова, магистрант программы «Международные отношения (на английском языке)» факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (email: sbusha_98@mail.ru)

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ АКТОРОВ В ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИНЛЯНДИИ И ИСПАНИИ

Аннотация. Рассматриваются подходы государственных и негосударственных акторов к вопросу сохранения исторической памяти. Анализируются культурные и правовые аспекты политики памяти.

Ключевые слова и словосочетания: политика памяти, коммеморация, Финляндия, Испания.

Современные политические сообщества, невзирая на процесс глобализации, активно используют принцип исторической легитимации. Обращение к прошлому служит опорой для конструирования идентичности или ее укрепления. Несмотря на то что «контролирование» прошлого как политическая

стратегия, осуществляемая политическими элитами, вошло в практику в конце XX — начале XXI в., корнями оно уходит в период становления европейских наций. Как отмечает чешский историк М. Хрох (*Miroslav Hroch*), наличие трех важных условий способствовало консолидации наций в Европе: плотность языковых и культурных связей, концепция равенства всех членов группы и «память» социальной группы об общем прошлом [1, с. 122].

Следует подчеркнуть, что с момента основания первых государств именно государственная власть, объединяя группы людей в единое целое, выступала в роли основного актора, проектирующего картины прошлого. Однако наряду с государством существовали особые «группы памяти», находящиеся на периферии официальной политики и сохранившие собственную догосударственную «память» [2, с. 57]. Со временем количество социальных групп, заинтересованных в конструировании прошлого, увеличивалось. Возникла ситуация, когда одни и те же события прошлого, с одной стороны, используются различными социальными группами в качестве строительного материала своей идентичности, а с другой — по-разному оцениваются и интерпретируются теми или иными слоями общества внутри объединенного государства.

Из истории развития политики памяти известно, что в социальных и гуманитарных науках исследования памяти прошли несколько этапов. Отцом данного направления можно считать М. Хальбвакса (*Maurice Halbwachs*), утверждавшего, что индивидуальные воспоминания понимаются только в контексте группы, объединяющей нацию или сообщество во времени и пространстве [3]. Второй этап связан с именами американского историка Й. Йерушалми (*Yosef Yerushalmi*) и французского историка П. Нора (*Pierre Nora*). Оба ученых противопоставляли понятия «история» и «память», так как для них это были два принципиально разных метода работы с прошлым. Третий этап приходится на конец XX — начало XXI в. Именно тогда начало оформляться отдельное направление в науке — *memory studies*. В этот период память стала рассматриваться как орудие конфликтов различного уровня — от локального до международного. П. Нора отмечает, что в настоящее время человечество переживает «эпоху торжества памяти», которая выражается среди прочего в «бурном развитии всяческих мемориальных мероприятий; юридическом сведении счетов с прошлым; росте числа разнообразнейших музеев; повышенной чувствительности к сбору архивов и к открытию доступа к ним; возобновившейся привязанности к “наследию”» [4, с. 392]. Вместе с тем Р. Брубейкер (*Rogers Brubaker*) подчеркивает, что в современных *memory studies* не хватает сравнительных исследований, которые фокусировались бы не на общих

представлениях и частных случаях, а на комплексном изучении проблем [5, с. 291].

В научной литературе встречаются такие понятия, как «публичная память», «коллективная память», «политика памяти», «историческая память» и другие. Наиболее часто используемыми в науке понятиями являются «историческая политика» и «политика памяти». Российский политолог О.Ю. Малинова рассматривает историческую память как частный случай политики памяти. Она определяет ее как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях — и законодательного регулирования» [6, с. 9]. Политика памяти же «представляет собой целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик» [7, с. 19].

Изучая политику памяти, невозможно обойти стороной такое явление, как коммеморация. Ему присуще как «вспоминание» (*remembering*), так и «забвение» (*forgetting*). Коллективное «вспоминание» как таковое представляет собой процесс коммуникации тех, кто «конструирует» память; тех, кто ее «воспринимает», а также визуальных и дискурсивных объектов и традиций репрезентации [8, р. 197]. Центральным в таких действиях является поддержание коллективной идентичности, которая проецируется вовне [9]. «Вспоминание» и «забвение» связаны не всегда исключительно с историческими фактами, но довольно часто и с эмоциями. В связи с этим коллективное «вспоминание» — особенно в эпоху глобализации — скорее присуще отдельной группе лиц, а не всему обществу [10].

Как отмечают Л. Катчер (*Leanne Cutcher*), К. Дейл (*Karen Dale*), Ф. Хэнкок (*Philip Hancock*) и М. Тайлер (*Melissa Tyler*), практики «вспоминания» и коммеморации четко организованы. Их целенаправленно структурируют, чтобы установить связи между прошлым и настоящим с целью воздействия на будущее [11, р. 5]. Справедливым представляется тезис П. Нора о том, что «историческая память — всегда настоящее» [12, р. 289]. На практике это нередко приводит к идеологизации и фальсификации исторических фактов, а само прошлое становится для политиков инструментом конструирования настоящего.

Для проверки изложенных тезисов проведем анализ вопросов политики памяти в некоторых европейских государствах. В качестве исследуемых государств выбраны Финляндская Республика и Королевство Испания. Выбор данных государств обусловлен следующими общими признаками. Во-первых, в первой половине XX в. оба государства пе-

режили гражданские войны, в результате которых к власти пришли представители правых идей. Во-вторых, по итогам гражданских войн как в Финляндии, так и в Испании появились политические фигуры, с именами которых впоследствии граждане этих государств будут ассоциировать ужасы прошедших войн. Такими фигурами стали К. Маннергейм в Финляндии и Ф. Франко в Испании.

Финляндская Республика, получившая независимость в 1917 г., в первой половине XX в. переживала эпоху серьезнейших общественных потрясений, которые вылились в конечном итоге в конфликт внутри финского общества. Основой для этого конфликта послужила гражданская война, в которой фигура К. Маннергейма как военного, а впоследствии и политического лидера государства первой половины XX в. остается крайне противоречивой и по сей день. После выхода Финляндии из Второй мировой войны и вплоть до 1990-х годов этот исторический деятель оставался в тени. Причиной тому стала политика нейтралитета «линии Паасикиви — Кекконена», ориентированная на сотрудничество не только со странами Запада, но и с СССР. Для этого следовало придать забвению годы, когда Финляндия яростно боролась с «красными» на своей территории и воевала с Советским Союзом за Карельский перешеек. Еще в 1980-х годах общества, которые оставались вне этого дискурса и поддерживали память о маршале, заявляли о том, что официальные власти желают «забыть» свое прошлое. Однако этой попытке «забыть» есть свое обоснование.

После событий Гражданской войны 1918 г. на территории Финляндии отношение к Маннергейму стало резко негативным у той части общества, которая представляла левое, «красное» движение. Так, исследователи О. Сейтсонен (*Oula Seitsonen*), П.Р. Маллинс (*Paul R. Mullins*) и Т. Юлимауну (*Timo Ylimaunu*) подробно описывают действия белофиннов, направленные на всеобщее уничтожение «красных» на своей территории, а также то, как в наши дни эти места бывших концлагерей и зверств отмечаются памятными знаками. Отмечаются такие населенные пункты, как концлагерь в Таммисаари, место расстрелов в лесу у населенного пункта Салла в Лапландии, мемориал 21 «неизвестному красному» в Нурмо, неофициальный мемориал «*karsikkokivi*», взорванный в 1930-х годах белыми, так как в то время устанавливать памятники «красным» финнам было еще запрещено [13, р. 751]. Отметим, что, описывая зверства Белой армии в Тампере, авторы как бы обходят стороной тот факт, что руководил штурмом города именно генерал Маннергейм, хотя подтверждают, что установленный там в 1956 г. памятник главнокомандующему вызвал противоречивую реакцию в обществе, что свидетельствует о попытке государства с помощью памятника примирить жителей [13, р. 752].

Таким образом, вплоть до 1990-х годов о маршале Маннергейме, как и вообще о периоде его активных действий писали лишь ученые. В народной же памяти он оставался для одних «белым генералом победоносной Белой армии» [14], а для других — «мясником из Тампере» в память о зверствах белофиннов против «красного» населения во время Гражданской войны 1918 г. [15, с. 123].

Поражение Финляндии в Советско-финской войне 1939—1940 гг., суд над военными преступниками после выхода из «войны-продолжения» 1941—1944 гг., более известной в российской историографии как Советско-финская война 1941—1944 годов, и заключенный мирный договор в 1948 г. вынудили финское руководство в лице пришедшего к власти Юхо Паасикиви, а потом и Урхо Кекконена, выйти на совершенно новый курс внешней политики, где не было места националистическим настроениям, которым страна была подвержена ранее.

После распада СССР в Финляндии стал наблюдаться рост общественного интереса как к событиям начала XX в. в целом, так и к фигуре маршала в частности. Как пишет Т. Тепора (*Tuomas Tepora*), 1990-е годы стали настоящим ренессансом националистических настроений в Финляндии, когда государство переживало «строительство Третьей Республики» [16, р. 360]. Тогда, в 1990-х годах, катализатором широкого общественного обсуждения личности Карла Маннергейма стало строительство нового Музея современного искусства в Хельсинки. Новое здание должно было располагаться в непосредственной близости от конной статуи маршала Маннергейма, что с точки зрения консервативных кругов считалось недопустимым. В результате этой дискуссии новые идеи, вместившие в себя два предыдущих модуса поведения финского государства и общества (национализм межвоенного периода и космополитизм периода «линии Паасикиви — Кекконена»), пришли к общему знаменателю. Сторонники строительства музея использовали личность маршала в качестве защитника не только национального государства, но и образования, а значит человека, которому непременно понравилось бы здание нового музея рядом со своей статуей. Государственные чиновники старались не принимать участия в этом споре. Так, Президент Финляндии Мартти Ахтисаари ответил на жалобу руководителя Фонда наследия Маннергейма о строительстве здания, что он не вправе вступать в такие дебаты и решать судьбу города [16, р. 364].

Таким образом, проводившиеся дебаты вокруг строительства Музея современного искусства можно считать последней серьезной вспышкой разгоревшихся в обществе противоречий не только в отношении современного искусства, но и личности маршала, а значит и истории всего государства. В свою очередь, государство дало возможность финскому обществу самому сделать выбор. В итоге позиция руководителя Музея

современного искусства, заключающаяся в примирении с прошлым и гармоничном его вхождении в современность, получила поддержку как со стороны граждан, так и со стороны государства. Такой примирительной политики власти Финляндии придерживаются и по сей день. Равно чтится память как о «красных», так и о «белых» финнах, погибших за свои политические убеждения, поэтому можно считать, что политический раскол Финляндии был успешно преодолен.

На наш взгляд, политика исторической памяти Финляндской Республики можно охарактеризовать не иначе, как политикой примирения, где радикальные выступления носят единичный характер, а государством не предпринимаются действия, направленные на осуждение исторических событий или запрет каких-либо фондов или структур.

В свою очередь, вопрос исторической памяти в Королевстве Испания трактуется не столь однозначно. После гражданской войны в стране установилась диктатура Франсиско Франко, которая просуществовала с 1939 по 1975 г., вплоть до самой смерти диктатора. После смерти Франко в стране начался переход к демократии. Политику памяти в рассматриваемый период можно охарактеризовать как «политику забвения». Политические элиты всячески старались сохранить баланс и не допустить возвращения диктатуры. Тем не менее на современном этапе ситуация совсем иная. В качестве примера следует указать, что последний памятник Франсиско Франко был демонтирован в феврале 2021 г. [17], что свидетельствует о двух аспектах политики памяти в Испании: трагедия гражданской войны по-прежнему не преодолена, и наблюдается политизация вопроса.

В данном контексте следует обратиться к испанским законодательным инициативам в вопросе памяти. В 2007 г. вступил в силу Закон «Об исторической памяти», согласно которому из публичного пространства были постепенно убраны многие символы франкизма [18]. Тем не менее упомянутая мера долгое время считалась финским обществом и левыми партиями недостаточной: в связи с этим в 2020 г. закон был усовершенствован [19]. В частности, при рассмотрении законопроекта было отмечено, что новый Закон отказывается от термина «историческая память» и внедряет понятие «демократическая память», чтобы отразить основные вехи борьбы испанского народа за свои свободы и права, которая началась более двухсот лет назад [20]. Следует отметить и то, что внимание политиков и общественности приковано не только к новым законодательным инициативам. Речь идет, в частности, о Законе «Об амнистии» [21], который был принят в 1977 г., в период перехода от диктатуры к демократии. На данный момент многие испанские политики заявляют о недостаточности документа, однако в 1977 г. это подавалось как мера примирения общества. Рост полемики

вокруг данного Закона связан с увеличившимся числом эксгумаций останков жертв франкистских репрессий. Согласно газете *Publico*, в период с 2000 по 2020 г. было извлечено более 9000 тел [22]. Поисками останков погибших активно занимается в том числе Ассоциация по восстановлению исторической памяти [23]. Ассоциация активно содействует в поиске пропавших без вести в годы гражданской войны и франкистской диктатуры, что свидетельствует об актуальности исследуемой темы.

В Королевстве Испания ведется активная правотворческая деятельность по части мемориальных законов. Перед разрабатываемыми нормативными актами ставится цель осудить существовавший в стране режим. В данном контексте проводимая политика соответствует ожиданиям мирового сообщества, в частности Организации Объединенных Наций. Ранее Комитет по насильственным исчезновениям ООН рекомендовал Испании как можно скорее принять законопроект «О демократической памяти», поскольку его принятие «станет шагом вперед в вопросе обеспечения прав жертв Гражданской войны и франкистской диктатуры» [24].

Проведенный анализ показал, что подходы Финляндской Республики и Королевства Испания к осмыслению исторических событий и преодолению травм прошлого принципиально разные. Различия кроются в политических линиях, выбранных правительствами двух государств. Правительство Финляндской Республики, дав возможность общественности поставить точку в вопросе оценки личности Карла Маннергейма, смогло остановить политическую дискуссию и прийти к консенсусу относительно истории своего государства. В свою очередь, в Королевстве Испания продолжается активная законотворческая деятельность, а также возрастает роль негосударственных организаций и активистов при проведении поисков массовых захоронений, что не позволяет поставить точку в исторических дискуссиях испанского общества. По нашему мнению, примирение нации возможно лишь при осмысленном подходе политических элит к вопросам исторической памяти.

Библиографический список

1. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]; пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М., 2002. С. 121–145.
2. Бойцов М.А. Выживет ли Клио при глобализации? // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 57–70.
3. Halbwachs M. *On Collective Memory* / ed. L.A. Coser. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
4. Нора П. Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2-3. С. 391–402.

5. Брубейкер Р. Этничность без групп. М., 2012.
6. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз: журнал политической философии и социологии политики. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
7. Линченко А.А., Аникин Д.А. Политика памяти как предмет философской рефлексии // Вестник Вятского государственного университета. 2018. № 1. С. 19–25.
8. Kansteiner W. Finding meaning in memory: A methodological critique of collective memory studies // History and Theory. 2002. Vol. 41, Issue 2. P. 179–197.
9. Olick J.K., Robbins J. Social memory studies: From «collective memory» to the historical sociology of mnemonic practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105–140.
10. Singer J.A., Conway M.A. Should we forget forgetting? // Memory Studies. 2008. Vol. 1, Issue 3. P. 279–285.
11. Cutcher L, Dale K, Hancock P, Tyler M. Spaces and places of remembering and commemoration // Organization. 2016. Vol. 23, Issue 1. P. 3–9.
12. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire // History and Memory in African – American Culture / Ed. G. Farbe, R. O’Meally. New York, Oxford, 1994.
13. Seitsonen O., Mullis P.R., Ylimaunu T. Public memory, National Heritage, and memorialization of the 1918 Finnish Civil War // World Archeology. Vol. 51, Issue 2. P. 741–758.
14. Screen J.E.O. Mannerheim: The Finnish Years. London: Hurst, 2000.
15. Юссула О., Хенттиля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998.
16. Tepora T. The Image of Marshal Mannerheim, Moral Panic, and the Refashioning of the Nation in the 1990s // Lived Nation as the History of Experiences and Emotions in Finland, 1800–2000 / ed. V. Kivimäki, S. Suodenjoki, T. Vahtikari. Cham: Palgrave Macmillan, 2021. P. 349–372.
17. Estaire O. La última estatua de Franco que quedaba en España es retirada de las calles de Melilla // El País. 23.02.2021. URL: <https://elpais.com/espana/2021-02-23/la-ultima-estatua-de-franco-es-retirada-de-las-calles-de-melilla.html>
18. В Испании убрали последний памятник генералу Франко // BBC News. – 24.03.2021. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-56182940>
19. Anteproyecto de Ley de Memoria Democrática // Ministerio de la Presidencia, Relaciones con las Cortes y Memoria Democrática. 2020. URL: <https://www.mpr.gob.es/servicios/participacion/Documents/APL%20Memoria%20Democrática.pdf>
20. El Gobierno aprueba el anteproyecto de Ley de Memoria Democrática // Consejo de Ministros. 15.09.2020. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/consejodeminstros/resumen/Paginas/2020/150920-cministros.aspx>
21. Ley 46/1977, de 15 de octubre, de Amnistía // BOE. 17.10.1977. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/1977/10/15/46/dof/spa/pdf>
22. Más de 9.000 cuerpos de víctimas del franquismo han sido recuperados en 20 años de exhumaciones // Público. 18.10.2020. URL: <https://www.publico.es/politica/9000-cuerpos-victimas-franquismo-han-sido-recuperados-20-anos-exhumaciones.html>
23. La Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica. URL: <https://memoriahistorica.org.es>
24. Un Comité de la ONU urge a España a aprobar la Ley de Memoria Democrática // Noticias ONU. 30.09.2021. URL: <https://news.un.org/es/story/2021/09/1497732>